

И. С. СЕМЕНЕНКО,
*член-корреспондент Российской академии наук, доктор политических наук,
заместитель директора по научной работе
Национального исследовательского института мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова
Российской академии наук, Москва, Россия
E-mail: semenenko@imemo.ru*

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ФОКУСЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рассматриваются проблемы концептуализации и приоритеты изучения идентичности в современной политической науке. Выделены и описаны ключевые вехи в утверждении идентичности как аналитической категории социогуманитарного знания, аргументируется значение этой категории для осмысления текущих политических процессов и прогнозирования трендов общественного развития. Раскрываются подходы российских ученых к концептуализации понятия политики идентичности, анализу ее субъектов и ключевых измерений. Намечены контуры поля идентитарных исследований в современной политической науке и перспективные направления в изучении идентичности как ресурса общественного развития.

Ключевые слова: идентичность, политика идентичности, миропорядок, ценности, политическая картина мира, ответственное развитие, социальные науки, политический анализ, идентитарные исследования

I. SEMENENKO,
*Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science,
Deputy Director for Research of the Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: semenenko@imemo.ru*

IDENTITY IN FOCUS OF POLITICAL ANALYSIS

The article examines the problems of conceptualization and priorities of identity studies in contemporary political science. The key milestones in the establishment of identity as an analytical category of socio-humanitarian knowledge are identified and described, the importance of this category for understanding current political processes and forecasting social development trends is argued. The approaches of Russian scientists to the conceptualization of the concept of identity politics, the analysis of its subjects and key dimensions are revealed. The contours of the field of identity studies in modern political science and promising directions in the study of identity as a resource for social development are outlined.

Keywords: identity, identity politics, world order, values, political picture of the world, responsible development, social sciences, political analysis, identity studies

Введение. В структуре современного миропорядка происходят глубокие системные сдвиги, связанные с ростом глобальных вызовов и понижением порога рисков и угроз общественному развитию в условиях неоднозначности социальных последствий происходящих технологических прорывов. Политическая наука призвана не только отражать текущие изменения, но и прогнозировать возможные перспективы и альтернативы общественного развития. И, что не менее важно, – оценивать влияние происходящих трансформаций на состояние общественных отношений, на социальный климат в обществе и картину мира личности – человека XXI века, живущего в условиях этих новых реалий.

Неудивительно, что поиски подходов к анализу и прогнозированию тенденций общественного развития идут не только в привычном поле изучения динамики институтов и политической повестки дня. Не менее значим для понимания этих изменений анализ общественных настроений, массового сознания и национального менталитета, политической культуры и исторических архетипов, укорененных в обществе. Важным измерением является оценка психологического состояния социума и тех ценностных ориентиров, которые определяют готовность граждан к конструктивному политическому участию, стимулируют их вовлеченность в реализацию приоритетов политики развития, в экономическую деятельность и социальное творчество. Назревшую потребность в междисциплинарном синтезе исследовательских подходов к осмыслению субъективного пространства политики отражает стремительно растущее внимание к *идентичности как категории анализа социальной реальности*.

Нынешний взрыв интереса к идентичности стал реакцией на усложнение институционального дизайна современных обществ, его растущую подвижность и изменчивость. Общественное развитие плодотворно осмысливать с позиций восприятия человеком быстро меняющейся реальности, чтобы оценить возможности и ограничения и наметить горизонты развития. Но растущее внимание к идентичности обусловлено и поисками ответов на эскалацию угроз экзистенциальным основаниям человеческого бытия, самостоянию личности, задающему нравственные ориентиры самоидентификации в процессе освоения и накопления личного духовного опыта.

Идентичность в социальных науках: аналитическая категория и социальная реальность. Само слово «идентичность» появилось в русском языке сравнительно недавно: первые упоминания можно обнаружить в изданных в 1900-х годах словарях иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Тогда понятие «идентичный» использовалось в значениях «тождественный», «равнозначный», «одинаковый». Спустя более полувека в пионерных работах немецко-американского психолога, специалиста в сфере психологии личности Эриха Эриксона был поставлен вопрос о «кризисе идентичности» на этапе взросления личности [1]. Из этой специализированной сферы психо-

логии термин переключался в социальную психологию и социологию, в культурологию, лингвистику, социальную философию, социальную антропологию и этнологию, в специализированные сферы социального и гуманитарного знания [2–4]. В социальных науках исследования опирались на сугубо абстрактное, но незаменимое понятие *социальной идентичности*: любая идентичность имеет социальную природу, поскольку проявляется по отношению к носителям других идентичностей и во взаимодействии с ними, а коммуникативная природа идентичности выражается в самоотождествлении с группой себе подобных и в разграничении с другими, иными в процессе социальных коммуникаций [5–7]. Эти проявленные в трактовке идентичности характеристики отражают динамику и одновременно состояние представлений человека о себе в мире, соотнесенность индивидуальных и групповых ориентиров социального опыта, синтез ценностных, эмоциональных и рационально мотивированных интересами и потребностями оснований человеческой деятельности.

Критически важным для социальных исследований стало разведение понимания идентичности как выражения индивидуальных и групповых представлений о себе и других и ее трактовки как имманентно присущего общественной жизни феномена, отражающего и одновременно задающего динамику общественных настроений, запросов, установок, то есть разведение в анализе категории и сущности. Реификация (овеществление) идентичности, которая зачастую происходила в условиях взаимозамещения концептуальных основ понятия и сущностных проявлений самоидентификации в виде идейных представлений и ценностных установок, породила ее критику как аналитической категории [8]. Поборники обращения к идентичности, напротив, выражали уверенность в том, что в сущностном аспекте необходимо опираться на ее трактовку как проявления и отражения взаимодействий, всегда ситуативных и всегда социально обусловленных [9, p. 608].

Сегодня «идентичность» стала общеупотребимым в поле социогуманитарного знания понятием. Для его операционализации используются многочисленные прилагательные, конкретизирующие те или иные сферы социальных коммуникаций, в которых происходят процессы самоидентификации человека и «материализуются» связи внутри малых и больших социальных групп и сообществ. Дискуссии ведутся о сущностных характеристиках многочисленных «идентичностей с прилагательными», от дихотомии позитивной или негативной идентичности до ее многообразных проявлений в разных измерениях человеческого общежития и сферах деятельности – от идентичности локальной, городской и сельской до корпоративной. Обсуждаются возможности замеров ее (идентичности) «градуса» как показателя состояния социального климата и общественных настроений.

В политическую науку рассматриваемое нами понятие пришло с некоторым запозданием ввиду преимущественного внимания к политическим процессам

и институтам в русле их объективистской трактовки. Но растущая потребность в осмыслении мотиваций и установок субъектов политического процесса заставила обратить внимание на идентичность как понятие, способное отразить субъективные аспекты политики и политического. Как бы компенсируя отставание, в политических исследованиях процессы освоения этой аналитической категории шли в ускоренном темпе, соотносясь с разными сферами социогуманитарного знания [10] и продвигая собственные исследовательские приоритеты [11–14]. Существенным оказался потенциал использования категории идентичности в политическом анализе, поскольку «дискурс идентичности стал рассматриваться как действенный механизм конструирования социальной реальности, а динамика идентичности – как один из маркеров происходящих трансформаций, описывающих включенность человека в социальные процессы» [13, с. 20].

Сам термин «идентичность» с разными уточняющими определениями быстро перешел из научного поля в публичную политику и стал неотъемлемой частью лексикона политических лидеров, управленческих кадров, гражданских активистов, работников социальной сферы, деятелей культуры в разных странах и регионах мира. На апелляции к «нашей идентичности» выстраивается сегодня система мер по консолидации сообществ разного уровня – от транснациональных до национальных, региональных, локальных, а также этнических или профессиональных. Это нечастый случай быстрого перехода понятия из научного поля в политическую практику и его адаптации для публичного дискурса, своего рода «заимствования» политики у науки. Правда, происходил этот «перелив» не без ущерба для содержания самого понятия, которое стало трактоваться предельно широко и зачастую без уточнения содержательного наполнения.

Идентичность как смысловая категория заняла прочное место и в быденном сознании в ответ на вопрошание о том, какой «я», кто «мы» и кто значимые для «нас» «другие» в стремительно меняющемся мире, стимулируя политическую рефлексию и задавая контуры политической картины мира современного человека. Эти процессы укоренены в природе человеческой личности, поскольку ее «онтологическому созиданию внутренне присуща диалектика одинаковости и самости» [15, с. 303]. Поиски ориентиров самоидентификации принимают форму множества идентичностей, которые актуализируются в разных сферах индивидуального и коллективного социального опыта. И хотя сам человек нечасто мыслит в таких категориях, в публичном поле именно ориентиры коллективной идентичности выстраивают индивидуальную политическую картину мира.

Политическая картина мира по определению неиерархического характера, в ней сосуществуют разные ориентиры и установки, которые актуализируются в личном социальном опыте и проявляются в том числе в отношении полити-

ческой сферы – через электоральный выбор, идейно-политические предпочтения, партийные аффилиации, волонтерскую гражданскую активность, формируя *политическую идентичность*. Значимость государства в этой системе координат гражданина во многом определяет характер *национальной идентичности* и ее гражданские основания. Именно о национальной идентичности чаще всего и идет речь, когда это понятие звучит в публичном поле без прилагательных и призвано характеризовать культурные предпочтения и ценностные установки сообщества граждан государства.

Российскую идентичность выдающийся отечественный этнолог Л. М. Дробужева содержательно определяет как «*государственно-гражданскую*» [16, с. 13], то есть такую, в которой соотнесенность с государством играет для гражданского самосознания смыслообразующую роль. В то же время высокой значимостью в структуре российской идентичности обладают общие культурные ориентиры, представления об историческом прошлом и русский язык, берущие на себя функцию поддержания общего культурного пространства страны с разнообразным по этнокультурному составу, языковым практикам и религиозным верованиям населением. Поэтому залогом поступательного общественного развития становится «*позитивная совместимость гражданской и этнической идентичности*» [17, с. 225]. А для позиционирования страны в мире и утверждения позитивного образа будущего поколений ее граждан важными оказываются цивилизационные ориентиры. Они обеспечивают преемственность в развитии общества и государства и формируют цивилизационную идентичность как «*наиболее общую составляющую и форму проявления идентичности, которая... может интегрировать различные, но близкие по культуре и истории общества и государства*» [18, с. 303].

Вопрос о сущностных характеристиках цивилизации, о цивилизационной природе государства и феномене «государства-цивилизации» широко обсуждается в российском научном поле, имея в виду и традиции русской общественной мысли, и современные нарративы [19; 20]. Близкие трактовки «государства цивилизационного типа» предложены в работах китайских обществоведов: книга авторитетного китайского ученого Дж. Вэйвэя только за первый год после публикации заинтересовала более миллиона читателей в Китайской Народной Республике [21]. Цивилизационные ориентиры закладываются в основание ценностно-политических проектов, которые продвигают в условиях трансформации миропорядка центры силы, претендующие на лидерские позиции в мировой политике [22]. Наличие таких проектов свидетельствует также о притязаниях на лидерство новых центров силы и во многом определяет перспективы укрепления их позиций в меняющемся мироустройстве. Такие стремления подкрепляет ориентированная и на внутреннюю, и на внешнюю аудитории эффективная *политика идентичности*, приоритеты которой оказываются в фокусе политического анализа.

Политика идентичности: акторы, направления, приоритеты. Политика идентичности (англ. *identity politics, politics of identity*) как аналитический концепт заняла прочное место в политических исследованиях к концу XX в. В работах зарубежных авторов, анализировавших политические процессы в странах Запада и процессы в незападном мире с использованием универсалистских аналитических подходов, она трактовалась однозначно как продвижение притязаний социально ущемленных меньшинств по утверждению своего «права на идентичность». В странах Запада этнические сообщества, и прежде всего группы интересов, выступавшие от имени коренных народов, активно продвигали в 1960-е годы повестку такой политики идентичности, результатом которой стало утверждение модели мультикультурного общества. В 2010-е – 2020-е годы ореол славы мультикультурализма померк в условиях, когда в «борьбу за идентичность» стали включаться все новые меньшинства и новые группы интересов [23, р. 273–396]. Результирующим вектором стало агрессивное продвижение практик «позитивной дискриминации» и размежевание обществ по многочисленным линиям, выдвигание множества групп «особых» интересов, требующих от государства социальной поддержки, а от большинства – признания своего права на преференции за счет самого государства. Политика идентичности однозначно трактовалась как «активизм социальных движений, борющихся за свой социальный статус» [24, р. 48].

Однако содержательная трактовка политики идентичности отнюдь не сводится к продвижению прав меньшинств или созданию преимуществ для одних, выступающих с позиций «ущемленной идентичности», в ущерб другим, не озабоченным таким вызовом. В современной политической науке утверждается такое понимание политики идентичности, которое опирается на анализ приоритетов, акторов и практик, формирующих идентичности сообществ в качестве ресурса их развития. Такая политика связывается с деятельностью государства и его институтов по поддержанию общих ценностных оснований принадлежности к политическому сообществу и общих ориентиров его развития, общих представлений о «нас» как народе, нации, стране, государстве, регионе. Под *политикой идентичности* в этом контексте понимается «деятельность по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности. Такая идентичность оказывается объектом целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства личной принадлежности к нему. Государство – ключевой актор политики идентичности в этом поле: оно использует институты социализации (систему образования, воинскую службу) и инструменты публичной

политики для легитимации властных институтов и для организации взаимодействия социальных субъектов вокруг определенной повестки дня, для вовлечения граждан в такие взаимодействия» [25, с. 647–648].

Ключевые направления политики идентичности формируются во взаимодействии государства и других субъектов политического процесса. Такая политика включает несколько составляющих, ключевые – это *символическая политика, языковая политика, политика памяти* и их проекции в *сферу образования*. Первая (символическая) «отвечает» за материальные и нематериальные формы воплощения идентичности в публичных пространствах, за такую социальную среду, в которой человек ощущает свою сопричастность общему делу и в то же время обретает свое место, позволяющее ему уверенно смотреть в будущее. Последовательная языковая политика призвана сохранять общее социокультурное пространство страны и практики межличностной коммуникации, поддерживать разнообразные языковые и культурные традиции, составляющие богатство многоэтнической и многокультурной нации.

Следующее направление – политика исторической памяти – организует взаимодействие между мнемоническими акторами. Растущий интерес к политике памяти в социальных науках связан с политизацией этой повестки в публичной сфере, особенно ввиду попыток пересмотра памяти о Второй мировой войне в странах Запада, а в странах Восточной Европы и ряде государств постсоветского пространства – наследия советского прошлого. Сегодня жесткие дискуссии в русле политики памяти разворачиваются и в публичной политике, и в научном поле вокруг осмысления колониального наследия и его роли в отношениях бывших метрополий и колоний в контексте постколониального дискурса.

Между тем формирование общего исторического нарратива как приоритета политики памяти на национальном уровне закладывает основы для преодоления разрывов в общественном сознании, для видения перспектив общественного развития на основе общих ориентиров идентичности. В этом контексте ведутся исследования, направленные на оценку влияния восприятия прошлого на национальное самосознание и на формирование общего пространства памяти и культуры России и Беларуси [26]. Проекция прошлого в настоящем отражается в политической картине мира, формируют национальную идентичность и поддерживают ориентиры цивилизационной идентичности.

Вместо заключения. О повестке идентитарных исследований. Российские исследователи рассматривают позитивную, ориентированную на вовлеченность в созидательные общественные процессы гражданскую *идентичность как ресурс общественного развития*. Политика идентичности может быть эффективным, действенным инструментом формирования и укрепления такой идентичности. Но она может работать и на решение краткосрочных политических задач, мотивированных узкогрупповыми интересами и не отвечающих

долговременным целям развития общества и государства, например, в случае ущемления права части граждан на использование родного языка или ущемления свободы вероисповедания и гонений на неудобные власти церковные структуры. В опыте ряда государств постсоветского пространства множатся негативные практики такого рода, усугубляющие идейно-политические размежевания в обществе, в то время как в основе социальной консолидации лежит позитивная, мотивированная на развитие идентичность.

Формирование повестки политики идентичности вписывается в систему приоритетов *политики развития*. Внимание к идентичности, практикам ее формирования и воплощения в публичном пространстве позволяет оценить возможности использования нематериальных, возобновляемых, интеллектуальных ресурсов для поисков ответов на стоящие перед человеком и обществом вызовы, для укрепления социальной солидарности как условия преодоления появляющихся рисков и экзистенциальных угроз. На таком фундаменте может выстраиваться политика *ответственного развития* [27, с. 83; 28]. Рассматривая парадигмальные характеристики современного общественного развития, мы считаем жизненно необходимым сделать упор на ответственном отношении человека к использованию ресурсов и распоряжению ими, но также на нравственной мотивации развития; устойчивость – доминирующее в современном публичном дискурсе понятие – оказывается одним из целевых ориентиров такого выбора. Формирование нарративов развития человека и общества, отвечающих новым вызовам и рискам, становится, в свою очередь, ключевым вызовом для социогуманитарного знания.

В российском научном сообществе формируется поле *идентитарных исследований*. Работающие в поле политических исследований ученые интегрируют категорию идентичности в инструментарий анализа социальных и политических процессов. Такие исследования включают изучение динамики идентичности как комплекса устойчивых и изменчивых представлений о человеке в разных измерениях социальной реальности и отражение этой динамики в социальных изменениях [14, с. 438]. В центре находится человек, его духовные ориентиры и нравственные устои. О важности осмысления такого предназначения человека напоминает митрополит Антоний Сурожский: «Мы посланы в этот мир, чтобы изменить его, и когда я говорю “изменить”, я думаю о многообразных путях, но меньше всего о политической или общественной перестройке. Первое, что должно произойти, – это перемена в нас самих, которая позволит нам быть в гармонии – гармонии, которую можно будет перенести, распространить вокруг нас. Это... важнее всякой перемены, которую можно стараться произвести вокруг себя иным способом» [29, с. 713]. Такое стремление к изменению себя зиждется на осознании ответственности за свой ценностный выбор как скрепы созидательной, позитивной *идентичности развития*.

Обращение к идентичности принципиально важно для осмысления глубинной связи личностного и общественного. В контексте идентитарных исследований в поле политической науки идут поиски синтеза индивидуального и надындивидуального, макрополитического измерений современных социальных процессов, стимулирующие рефлекссию о приоритетах и горизонтах общественного развития.

Список использованных источников

1. Erikson, E. H. Identity: Youth and Crisis / E. H. Erikson. – New York : W. W. Norton & Company, 1968. – 336 p.
2. Handbook of Identity Theory and Research : in 2 vols. / eds.: S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. – New York : Springer, 2011. – 998 p.
3. Handbook of Self and Identity / eds.: M. Leary, T. J. Price. – New York : The Guildford Press, 2012. – 754 p.
4. Oxford Handbook of Identity Development / eds.: K. K. MacLean, M. Syed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2014. – 625 p.
5. Goffman, E. The Presentation of Self in Everyday Life / E. Goffman. – New York : Garden City, 1959. – 272 p.
6. Tajfel, H. Social Identity and Intergroup Relations / H. Tajfel, J. C. Turner. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1982. – 268 p.
7. Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory / J. C. Turner, M. A. Hogg, P. J. Oakes [et al.]. – Oxford : Basil Blackwell, 1987. – 239 p.
8. Brubaker, R. Beyond “Identity” / R. Brubaker, F. Cooper // Theory and Society. – 2000. – Vol. 29, № 1. – P. 1–47.
9. Tilly, Ch. Political Identities in Changing Politics / Ch. Tilly // Social Research. – 2003. – Vol. 70, № 2. – P. 605–620. – DOI: 10.1353/sor.2003.0021
10. Encyclopedia of Identity : in 2 vols. / eds.: R. L. Jackson II, M. A. Hogg. – Thousand Oaks : Sage Publications, 2010. – 1000 p.
11. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. – М. : РОССПЭН, 2011–2012. – Т. 1 : Словарь терминов и понятий. – 2011. – 208 с.
12. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. – М. : РОССПЭН, 2011–2012. – Т. 2 : Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – 2012. – 471 с.
13. Идентичность: личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И. С. Семенов. – М. : Весь Мир, 2017. – 992 с.
14. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семенов. – М. : Весь Мир, 2023. – 512 с.
15. Гуревич, П. С. Идентичность как социальный и терминологический феномен / П. С. Гуревич, Э. М. Спирова. – М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2015. – 352 с.
16. Дробижева, Л. М. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы / Л. М. Дробижева // Власть. – 2014. – № 11. – С. 12–17.
17. Дробижева, Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробижева // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Ин-т социологии РАН, 2008. – С. 214–228.
18. Пантин, В. И. Цивилизационная идентичность / В. И. Пантин // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семенов. – М. : Весь Мир, 2023. – С. 302–308.

19. *Ерасов, Б. С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов. – М. : Наука, 2002. – 524 с.
20. *Наумкин, В. В.* Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? / В. В. Наумкин // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 78–93. – DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06
21. *Weiwei, Zh.* The China Wave: Rise of a Civilizational State / Zh. Weiwei. – Hackensack, NJ : World Century Publ. Corp., 2012. – 240 p.
22. *Семененко, И. С.* Центры силы в мировой политике: диверсификация ресурсов лидерства / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 5. – С. 112–134. – DOI: 10.17976/jpps/2025.05.08
23. *Routledge Handbook of Identity Studies* / ed. A. Elliott. – New York : Routledge, 2014. – 464 p.
24. *Bernstein, M.* Identity Politics / M. Bernstein // Annual Review of Sociology. – 2005. – Vol. 31, iss. 1. – P. 47–74. – DOI: 10.1146/annurev.soc.29.010202.100054
25. *Семененко, И. С.* Политика идентичности / И. С. Семененко // Идентичность: личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И. С. Семененко. – М. : Весь Мир, 2017. – С. 647–655.
26. Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом : монография / П. С. Крючек, О. В. Матвеев, В. Н. Острога [и др.] ; под ред. П. С. Крючека, О. В. Матвеева ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Кубан. гос. ун-т, Бел. гос. технол. ун-т. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т ; Минск : [б. и.], 2023. – 382 с.
27. Мир 2035. Глобальный прогноз / ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН ; под ред. акад. А. А. Дынкина. – М. : Магистр, 2017. – 352 с.
28. *Семененко, И. С.* Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 7–26. – DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02
29. *Антоний (Блум), митр. Сурожский.* Вызов современности / Антоний (Блум), митр. Сурожский // Труды : в 2 кн. / Антоний (Блум), митр. Сурожский. – 3-е изд. – М. : Практика, 2014. – Кн. 2. – С. 708–719.

Поступила 01.07.2025 г.